

Эстетическое отражение темы «Питание» в русских говорах Тюменской области

В статье рассматривается денотативно-референтная сфера «Питание» в ее эстетической рефлексии, отраженной в живой речи современного сельского населения. Для выявления специфики эстетического начала народной речи привлекаются языковые факты, характеризующиеся семантической двуплановостью и прагматической нагруженностью: тропы, экспрессивные и оценочные средства, фразеологизмы, прецедентные тексты. Данная область модифицирована как сфера-донор и как сфера-реципиент, соотносясь с разными аспектами области «Человек». Анализируемая тема развивается в нескольких направлениях, связанных, в частности, с субтемами голода, поста, ассоциации процесса еды с другими жизненно важными процессами; присутствует также модус комической оценки.

Ключевые слова: эстетическая функция, русские говоры, денотативная сфера питания.

The article discusses the denotative-referential sphere "Food" in its aesthetic reflection, mirrored in the living speech of a modern rural population. To identify the specificity of the aesthetic principle of the people's speech involves linguistic facts, characterized by semantic and pragmatic biplanning load: trails, expressive and evaluative tools, idioms, precedent text. This area is modified as donor and as recipient in correlation with different aspects of the field of "Man". Analyze the theme develops in several directions, associated in particular with subramani hunger, fasting, the Association of food with other vital processes; there is also the modus comic rating.

Key words: aesthetic function, Russian dialects, denotative scope of supply.

Существование эстетической функции языка (речи) практически никем из лингвистов не оспаривается, однако уровень освещения этого вопроса пока остается, на наш взгляд, не вполне удовлетворительным. В.Н. Телия в работе 1996 г. писала, что данная проблема остается наименее разработанной в лингвистике. К настоящему времени создано немало работ, посвященных этой функции, называемой то эстетической, то поэтической, но она рассматривается преимущественно на материале художественной речи. Однако ещё Р. Якобсон предупреждал, что «любая попытка ограничить сферу поэтической функции только поэзией или свести поэзию только к поэтической функции представляют собой опасное упрощенчество» (Якобсон 1975). По нашему мнению, сфера разговорной речи, включая и речь диалектную, является тем полигоном, где активно воплощается эта функция, где возникают и испытываются многие средства ее реализации. Это подтверждают работы таких исследователей, как В.Е. Гольдин, Н.В. Лукьянова, В.Д. Лютикова и др. Мы вполне согласны с мнением Л.А. Новикова о том, что «потенциально все средства языка во всех его социально обусловленных разновидностях способны участвовать в реализации эстетической функции» (Новиков 2001, 19). Подчеркнем лишь, что этот потенциал находит свое вполне реальное воплощение в диалектной речи. Естественно, здесь возникает вопрос о том, какая роль в реализации рассматриваемой функции отводится фольклору, а какая - спонтанной диалектной речи. Условно говоря, фольклор – это «литературная» форма диалекта, и ему в максимальной степени присуще «эстетическое переживание» (И.В. Тубалова). Однако устная речь по-своему отражает это «переживание», обладая собственной эстетической рефлексией, специфика которой и должна быть вскрыта. Представляется, что существуют как общие черты, сближающие эти две разновидности (или функциональные стили) народного языка, так и специфические особенности каждой из них.

Работы Г.О. Винокура, В.П. Ковалева, Л.А. Новикова, Д.Н. Шмелева и других исследователей позволяют считать, что эстетика языковых знаков обусловлена различными преобразованиями в их семантике. Примем это положение за исходное для нашего исследования.

Для выявления специфики эстетического начала народной речи нами привлекаются следующие языковые факты: образные средства, экспрессивные и оценочные средства, фразеологизмы, прецедентные тексты (половицы, присловья, загадки, сентенции, в том числе шуточные), феномены языковой игры. В качестве оснований их общности выступают семантическая двуплановость, которая реализуется главным образом в тропях, и прагматическая нагруженность (экспрессивность, прецедентность), а также взаимозаменяемость этих языковых феноменов.

Важнейшим аспектом рассмотрения является выделение и последующий анализ денотативно-референтных сфер, генерирующих «эстетические поля», их модификаций в качестве сфер-доноров и сфер-реципиентов, другими словами, «центробежных» и «центростремительных». Дальнейший анализ включает в себя определение важнейших семантических центров, связанных с этими двумя тенденциями, их номинативной плотности, выявление направлений переноса, обнаружение наиболее важных образов (предметных и ситуативных), установление связи данной сферы с национально-культурной системой эталонов, а в более широком смысле – с традиционно-культурными представлениями народа, где эстетические предпочтения перетекают в этические установки. Большое значение имеет и определение соотношения эстетически значимых языковых средств в каждой рассматриваемой сфере, выявление повторяющихся признаков и мотивов. Эти параметры описания представляются нам наиболее существенными.

В рамках настоящей работы исследуется денотативно-референтная сфера «Питание» в ее эстетической рефлексии, отраженной в живой речи современного сельского населения Тюменской области. Фактический материал извлечен из «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» и диалектных записей, произведенных автором, а также ее коллегами с кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета в период с 1960 по 2016 гг. Для нас представляется принципиально важной установка на фиксацию спонтанной диалектной речи, включая и ее отражение в виде словарных статей в современных диалектных словарях. Сборники и записи фольклорных текстов нами не привлекались.

Денотативная область (точнее – тема) «Питание» - одна из важнейших в жизни человека. Ее структура имеет, с одной стороны, общечеловеческие закономерности, с другой – тесно связана с национальными и региональными особенностями и традициями. Эстетическое освоение данной области, несомненно, имеет свою специфику, выявляемую при помощи разработанной нами схемы, включающей ряд параметров, что было использовано при описании других областей. При этом следует подчеркнуть, что общая схема, базируясь на определенных принципах, значительно варьируется в зависимости от характера денотативно-референтной сферы.

Целесообразно начать описание с выделения семантических групп (семантических центров) области. В нашем материале представлены следующие группы:

- наименования кушаний (имена существительные): *кудри* ‘печенье, хворост’, *ушки* ‘пельмени’. Это лексемы с образным компонентом значения, результат метафорического переноса ‘части тела человека’ > ‘кушанье’;

- характеристика кушанья или продукта как имеющего плохое качество, для такой характеристики, как правило, используются не отдельные лексемы, а высказывания: *его в рот пехаешь, а он обратно 'о хлебе плохого качества'; голима костика, а не хлеб; крупа за крупинкой бегаёт с дубиной* (олицетворение); *под коркой (хлеба) роту солдат спрятать можно* (гипербола). Таким образом, плохое качество продукта эстетически отражается не как признак, а как ситуация, часто ирреальная;

- значение 'быстро есть, наестся': *метелить, напороться, набузгаться, набузениться, назубениться, налупить, намякаться* (экспрессивные глаголы, образованные по одной модели, как правило, от экспрессивных основ со значением интенсивного действия);

- значение 'привередничать в еде': *рыться в хлебе (Щас в хлебе-та роются)*;

- значение 'хороший аппетит, всеядность': *русский человек три конны сена съест; в русском брюхе долото гниёт; зарод травы съедали; за ушами пищит; за уши не оттянешь; есть и давленным и травленным; за милую душу съешь; сядут – как булку хлеба за себя бросят; ели, как поросята*, экспрессивное наименование *набузуля* 'человек с хорошим аппетитом'. Обратим внимание на определение *русский*, идентифицирующее «всеядность» человека как национальную особенность. При некоторой иронии, присущей данным высказываниям, считаем, тем не менее, что здесь присутствует мелиоративная оценка. Здесь следует отметить такие приемы, как гиперболизация, использование соматизмов, напрямую не связанных с процессом принятия пищи (уши), сравнение с животным. Также заметим, что две последние из выделенных групп находятся в отношении контрадикторности, при этом сопоставление их количественного состава (номинативной плотности) весьма красноречиво.

Следующие семантические центры характеризуют эту денотативную область в качестве сферы-реципиента.

«Питание» как сфера-донор эксплицирует следующие метафорические переносы и другие образно-экспрессивные средства:

- наименование или характеристика человека: *заскрёбышек / подскрёбыш* 'последний ребёнок в семье', *крупочка* 'о маленьком ребёнке', *солodelый* 'о пассивном, неэнергичном человеке'; фразеологизмы – общая негативная оценка человека (с отрицательными частицами): *ни с чем пирог, одна корка; не до дна масленый; никуда её не покрошишь; от 4быка ни масла, ни молока*;

- физическое состояние человека: сравнительный оборот: *разопреешь как парёнка (Наредисся ек-ту, дак разопреешь, как парёнка; где парёнка - 'кушанье из пареных овощей, высушенных в печи')*;

- внешний вид человека: сравнительный оборот *белая, как сметана (Эта Наталья у нас бела как сметана, в Веру вся)*;

- физическое воздействие, направленное на человека: *берёзовой кашей угостить*;

- речевая характеристика (отрицательная): *каральку завернуть* 'сказать что-то нелепое' (*Мы не говорим, а только ляпам. Таковую каральку завернёшь, что не развернёшь*), *выквасить* 'сказать, сказануть' (*По радио такое слово выквасят, что и не знаешь, с чем его едят*).

При помощи образов сферы питания эксплицируются следующие чувства и эмоциональные состояния человека:

- смелость: *кто смел, тот съел*;

- чувство стыда: *как кипятком обожгло (Меня как кипятком обожгло, я застыдилася)*;

- жадность: *хотеть два горошка на ложку (Хотел два горошка на ложку, а ни одного не поймал);*
- страстное желание: *хлебом не корми (Олександро наш гостюн, по гостям ходить – хлебом не корми);*
- чувство одиночества: *стены съедят (Меня стены съедят, я со скуки пропаду);*
- милосердие: *поделиться последней крохой.*

Глагол *съесть* является здесь аксиологически двойственным: относясь к субъекту, он несет мелиоративную оценку, ассоциируется с безусловно положительным качеством человека – смелостью; относясь к объекту (*меня съедят*) – пейоративную. Идиома *не знаешь, с чем его едят* является знаком ситуации невозможности идентифицировать какой-либо объект (не связанный с питанием), т.е. утилитарный признак становится признаком гносеологическим.

Достаточно широко представлен перенос на отношения между людьми:

- флирт, любовные отношения: *поглядывают, как рыбочку посаливают;*
- выращивание, воспитание ребёнка, которое ассоциируется прежде всего с кормлением: *вспоить-вскормить (Девять она споила-скормила, а одна померла), покормушка ‘приёмная дочь’ (Сын-от родной, а дочь-та покормушка. Её с пяти лет дочерью шишуют);*
- отдельный бюджет членов семьи: *жить на два кусочка (Мы с дедом живём на два кусочка);*
- разное отношение к людям (возможно, противопоставленным по признаку пола): *кошке – молока да на печку, собаке – тумака да на улицу;*
- нежелание общаться с человеком: *как после собаки мясо не едят, так и после тебя не надо.*

Перенос ‘кушанье’ > ‘природный объект’ реализуется в нашем материале единичными примерами: *булка ‘небольшая возвышенность круглой формы’ (Косим-то всё булки, челпашки, значит).*

Сопоставление образного отражения сферы «Питание» в виде ее модификаций как донора и реципиента позволяет охарактеризовать ее преимущественно как обладающую центробежными (донорскими) тенденциями. Спектр переносных значений очень широк, но однонаправлен, это, главным образом, человек в его различных ипостасях.

Важным элементом эстетического отражения действительности является наличие предметных и ситуативных образов, о чем пишет С.М. Мезенин. «Такое деление вскрывает качественное различие сложности объектов отражения, и, кроме того, этому разграничению соответствует определенное различие в грамматическом оформлении образных средств» (Мезенин 1983, 56).

Как мы уже видели, некоторые признаки (продукта, кушанья) или характеристики (человека) могут эстетически отражаться в виде ситуаций. Таким образом, ситуации репрезентируются не на лексическом уровне, а при помощи фразеологизмов, в том числе сравнительных оборотов, и паремий, характеризующихся «наличием в их смысловой структуре оценочной и эмотивной модальности, которые «нагружают» идиому прагматически» (Телия 1996: 152). К ним относятся, кроме уже названных, например, следующие:

- вынесение приговора: *отломить как сухарик (А попробуй вот чё-ненабудь украсть, хотя бы в карман наложить с килограмм зерна, тебе десять лет отломают, как сухарик);*

- самостоятельная жизнь взрослого ребёнка: с маминых шанежек да на чёрствы пирожки. В последнем примере «сепарация» выросших детей образно выражается при помощи замены продукта питания, ухудшения его качества (*чёрствы*), контекстуальной антонимии.

Важным признаком любой денотативной сферы является наличие в ней своеобразных эталонов народного мировидения (максимума, минимума, различных признаков предмета). В рассматриваемой сфере мы находим отражение эталона минимума (отсутствия пищи), для чего используются определенные языковые средства: специфическая конструкция «частица НИ + диалектный гипоним». См., например, следующие контексты: *Нету, нету квасу-ту, ни квасины нет. // Нет ни хлебины, ни молочины. // В коструле хоть бы супина была! // Суп-от постняюшшой: две салины (капельки жира) плават.* Жидкость, жидкое кушанье предстает как нечто дискретное, в нем можно выделить «атомы» (*квасина, молочина* и т.д.). Если в литературном языке в этих целях употребляется гипероним *капля*, то в говорах отмечается целый набор гипонимов, усиливающих экспрессию.

Небольшое количество какого-либо продукта, кушанья (которого достаточно только «для пробы») обозначается сочетанием *разговеться хватит*, отсылающее к теме поста.

Эталоном сладости (или вообще вкусного, приятного) выступает мёд (*считать за мёд*). Как отмечает К.В. Пьянкова, «существуют номинации, соотносящие пищу с различными частями человеческого тела. Например, «сладкими» обычно бывают уста» (Пьянкова 2008, 13). В нашем материале это отражено в частушке:

*Раньше губки целовала – были сладкие как мёд,
А теперь опротивели – холодные как лёд.*

Одна из наиболее важных тем, развиваемых в диалектном дискурсе в связи с рассматриваемой денотативной сферой, - это тема голода или недостаточного питания. Она реализуется при помощи следующих языковых средств: пословиц, фразеологизмов, часто с использованием рифмы. Например: *Голодному Федотку всё в охотку; День не едим, два не едим, неделю погодим да опять не едим; Дожили до тюки, нет ни хлеба, ни муки; Под одним окошком выпросишь, под другим съешь; Свёклу хлебашь и свёклой прикусывашь; Сегодня поели, завтра помешкали; жить на траве; зарод травы съедали; видал, как барин едал; зубы на спичку вешать; кнутовищем есть; мажут и не кажут; Во сне не видала, не то что едала; На себе шёлк, а в животе щёлк; Нужда заставит калачики есть; Похлёбку сварим, три раз разогреем да семь раз разведём; На крапиве жили, здоровие были.*

Важными образами / мотивами здесь являются отсутствие хлеба, ограниченность одним простым продуктом - овощем (свёкла), использование пищевых суррогатов (трава, крапива), а также мотив ожидания, выраженный глаголами *погодить, помешкать*. Отметим также синонимичность смыслов ‘питаться чем-либо’ и ‘жить на чем-либо’ (*Сколько голоду видели, на траве так и жили*), что отражает жизненно важный смысл питания. (Попутно укажем на концептуализацию абстрактного понятия голода как визуального воспринимаемого объекта.)

Характерны особые темпоральные характеристики: день, неделя, сегодня – завтра, а также использование числительных, что отражает феномен голода как продолжительный процесс. Тяжелое состояние человека, вызванное недостаточным питанием, передается при помощи моделирования ирреальных ситуаций (во сне не

видела; видел, как ел барин; нужда заставит есть вкусные калачи; «использование» для приема пищи такого неподходящего предмета, как кнутовище; «отторжение» зубов от человека). На синтаксическом уровне развитие темы голода характеризуется использованием отрицательных конструкций, что усиливает модус ирреальности.

В связи с постоянной угрозой голода постулируется необходимость делать продовольственные запасы, что отражено в сентенции: *Едешь на один день, а хлеба бери на два*. Усиливает эмоциональное напряжение и гиперболизация: *зарод травы съедали; три раз разогреем да семь раз разведём*.

В диалектном дискурсе отражена постоянная связь голода с холодом, которые для информантов являются важнейшими знаками тяжело прожитой (пережитой) жизни человека. Например: *Голодом, холодом были. // И голод, и холод – всё пережили. // Я всё пережила: голод и холод, нужу и стужу, а вот одиночество пережить – никак. // Мы голоду и холоду хватили*. Частично это объясняется и интралингвистическими коннотациями – фонетической структурой лексем, рифмой.

Значительное место этой субтемы в диалектном дискурсе объясняется тем, что записи народной речи производились в указанном регионе на протяжении более чем пяти десятилетий. Это большой период, сам по себе достаточно насыщенный, кроме того, следует учитывать и, если можно так выразиться, его «предысторию», т.е. события, оставшиеся за его нижним пределом, но хранящиеся в памяти информантов. Таким образом, охвачен практически весь XX век и начало XXI. Нет нужды говорить о тех потрясениях и невзгодах, которые пришились на это время.

Характерной чертой народного мировидения выступает концептуализация горя, голода, тяжелых переживаний как процесса еды, употребления пищи, преимущественно жидкой (глаголы *есть, хватить, хлебать*): *голодушки хватить, горя похлепать, хлебнуть горюшка, хлебнуть жареного петуха* (усиление экспрессии за счет алогизма), *хлебаем горе хоть с квасом, хоть с чаем; съесть жданы*. См. контексты: *Мы покрепче были бы, если бы голодушки не хватили. // Наше поколение было такое. То ли уж мы голода хватили... // Во время войны хватили горького до слёз. // Ничё, пожили, горя похлебали. // В войну-ту хлебнули горюшка, займ отдай, у тебя ни пить ни ись, давай и только. // Я, дочка, в жизни крепко жареного петуха хлебнула*.

Тема поста не слишком представлена эстетическими средствами и решается, главным образом, в юмористическом ключе, что подробнее будет рассмотрено ниже. Обильная еда выступает символом сытости, достатка, благополучия: *и сырым и варёным; есть от пуза; за милую душу (съесть); сыт, пьян и нос в табаке; хлеб на столе, и гость на коне; едой силу не вымотаешь*. Приведем контексты: *Меня родители поддъярживали и сырым и варёным. Мать настряпает,стряпаного даст. // Мы едим от пуза. Утробу набъём и ходим, земля держит, не гнётся – и ладно. // На гулянке если есть рыбный пирог, то богато живут. // Картопочки сварить, молочка, сметанки, яичко – потом в печку. За милую душу съешь*. Так прием пищи, сытость связывается в народном сознании не только с животом (утробой), но и с душой.

Процесс принятия пищи сопоставляется со следующими процессами (отражено в пословицах и сентенциях):

- работы: *Если печь не накормишь, сам не наешься; Ешь, что поставят, и роть, что заставят; Не пашем, не машем, так едим*; имплицитно: *Лето – припасиха, зима – прибориха; Не посеешь – не пожнёшь*. (Наиболее важный смысл: чтобы была пища,

нужно поработать; ср. известную поговорку *Что потопашь, то и полопашь*. Другая народная максима: не надо быть привередливым ни в еде, ни в работе.);

- сна: *Ел бы сладко да спал бы гладко; Мне только и укоренье было: любишь есть сладко да спать гладко; Ела, что хотела, спала, как умела; Не от того оголели, что сладкое ели, а от того, что долго спали*. В двух первых примерах находим отражение идеального образа жизни - гармонии питания и сна, но, скорее, недостижимого, не случайно употребляется сослагательное наклонение или выражение своеобразного упрека. При этом используется рифма, наречие *сладко* имеет значение 'вкусно', а *гладко* - 'вволю' или 'мягко'. Смысл последней сентенции: если хочешь жить благополучно, не надо много спать.

Смеховая линия («модус комической оценки»), представленная в нашем материале, касается нескольких направлений. Одно из них связано с религиозной темой. Так, имеется мотив поста, где отчетливо проявляется саркастическое или несерьезное отношение к нему: *пост не мост: можно и объехать* (развернутое отрицательное сравнение); *отойдёт коту масленица, придёт великий пост* (здесь возникает зооморфный образ, мало совместимый с религиозной традицией). Другое развитие этой темы: христианские праздники, где также обнаруживаются проявления народной смеховой культуры. Например, о громе на Петров день: *Петро да Павел пиво гонят; Петров идёт, пиво варит*.

Следующее направление связано с характерным для народной культуры противопоставлением процесса еды работе, что выражается в шуточной присказке: *Тит, айда молотить! – Брюхо болит. Тит, иди йись! – А где-ка моя больша-та ложка?*

И еще одно направление касается темы здоровья, чаще плохого: *чаю без рукавиц напилась – и загрипповала; едим – давимся, идём – валимся*.

Наиболее частотными лексемами – наименованиями продуктов питания являются *хлеб, мясо, крупа, мука, молоко, пирог*. Хлеб выступает символом питания вообще, что отражено и в литературном языке.

Среди частотных соматизмов, используемых в сфере питания: рот, пузо (брюхо), уши, а также душа. И если два первых выглядят совершенно естественно, то лексема *уши*, скорее, является отражением гиперболизации процесса употребления пищи, его особой интенсивности.

Один из важных образов этой сферы - образ теста (квашни). Он рассмотрен нами с привлечением материалов других говоров. В народных представлениях «достаток и обеспеченную жизнь символизировали закваска и хлебная опара, основными качествами которых является «непрерывность» (своего рода преемственность) и постоянный рост» (Пьянкова 2008, 15). Существенным признаком квашни (понимаемой как комплекс посуда + находящееся в ней тесто) является большой объем, важен и признак консистенции теста – его рыхлость, аморфность. Они выступают мотивировочными признаками при переносном наименовании толстого (а иногда и неряшливого) человека: *квашня, квашня квашней* (яросл.); *Эк-от сел за стол, как квашня, растронулся, а бабёшку с краешку посадил* (кург.). Признак 'чрезмерно полный (о человеке)', как нами уже было отмечено, часто развивает переносное значение 'медлительный, неповоротливый', оно фиксируется, например, в свердловских или среднеобских говорах. Косвенно этот признак отражен в поговорке *Баба не квашня: встала да пошла*. Может развиться и более широкое значение, отражающее общую отрицательную оценку человека, т.е. статус лексемы приближается к экспрессоиду: *А она сидит, квашня, дома, не работат* (ср.-приобск.).

Другой признак квашни, т.е. теста, опары – это способность быстро подниматься, увеличиваться в объеме, что приводит к возникновению компаративов *как на опаре* «очень быстро», *как на опаре киснут* ‘о быстро растущих детях или растениях’ (с мелиоративной оценкой). См. контексты: *Он, Сенька-то, как на опаре растёт. // Как на опаре киснут, каки сутунки парни-те у их, полнушиши да здоровушиши. // В огородчике всё как на опаре кисло*. Ироническое употребление этого же фразеологического оборота фиксируется в новосибирских говорах, где он приобретает семантику ‘очень быстро полнеть’. В некоторых диалектах, например, в ярославских, ФЕ *как на опаре киснуть* приобретает совершенно иное значение - ‘вести однообразную, бездеятельную жизнь’. Это связано с разнообразием ассоциаций, связанных с признаком ‘кислый’, сводимых, как отмечает К.В. Пьянкова, к двум основным вариантам: ‘заквашивать’ (действие человека по отношению к продукту) – это хорошо, а ‘прокисать’, т.е. портиться – плохо. Однако признак ‘кислый, заквашенный’ может приобретать пейоративную оценку при характеристике человека в связи с участием персонажа нечистой силы: *лешим (чёртом) наквашен* ‘об упрямом, «вредном» человеке’ (ср.-урал.).

Процесс заквашивания (заведения) теста образно сопоставляется и с зачатием человека - *на вине заведённые* «о детях пьяниц», что выстраивается в логическую цепочку: заквашивание – увеличение объема теста (зачатие – рост). Этот же круг ассоциаций лежит в основе фразеологизма *на ржаной закваске замешанный* ‘обычный, ничем не примечательный (по отношению к человеку)’ (краснояр.). Основой «теста» становится вино или «простая» закваска.

Кроме того, с квашнёй связан довольно длительный процесс замешивания и дальнейшей обработки теста. Отсюда фразеологизмы *не растворёно, не замешано* ‘ничего не сделано, работа не выполнена’ (*Зовут соседи по ягоды, а у меня ешо не растворёно, не замешано, нечё не успеваю я*) и *растворил, а примешивать нечем* ‘о ситуации, когда нет возможности продолжить уже начатое дело’. См. обыгрывание данного фразеологизма в следующем контексте: *Начал, растворил, а примешивать нечем. Теперь этот примешивает* (о разных руководителях, сменивших друг друга). Вследствие длительности и постоянности процесса замешивания теста он становится символом непрерывности женской домашней работы в целом: *У неё одна рука в квашне, другая – в корыте*.

Сфера «Питание» весьма своеобразно рефлексирована в народной речи и культуре. Так, при сопоставлении с аналогичной сферой, отраженной в литературном русском языке обнаруживаются значительные расхождения, например, в плане системности образования переносных значений. В частности, В.П. Харченко выделяет следующие направления метафорического переноса наименований кушаний, продуктов питания: консистенция какого-либо кушанья (*кисель, тюря, лапша*); способ приготовления и разнообразный состав кушаний (*винегрет, кавардак*); вкусовые качества продуктов (*малина, мармелад, мёд*); часть продукта, выделяющаяся по своим вкусовым качествам (*изюминка, сок, сливки*) (Харченко 2012). В нашем материале обнаруживаются оказываются относительно продуктивными лишь первое и третье из выделенных этим исследователем направлений. В целом такой тип метафорического переноса не выглядит слишком активным в изучаемых говорах. Если используется метафора: кушанье > человек, то, как правило, происходит уточнение, конкретизация наименования кушанья: *ни с чем пирог*.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет прийти к некоторым выводам. Сфера «Питание» сочетает в себе свойства донора и реципиента. Однако «донорство» присуще ей в гораздо большей степени. Происходит преимущественно перенос на

человека (его физический облик, чувства и эмоциональные состояния, отношения между людьми). Таким путем денотативная сфера, имеющая утилитарную направленность, эстетически переосмысливается как мир человеческой личности в ее разнообразных интенциях и состояниях, а также жизненных коллизиях.

Сфера характеризуется многообразием семантических центров, она может быть представлена как «коммуникативно-деятельностная ситуация» (В.В. Химик), так как предполагает приготовление и совместный приём пищи, различные состояния, оценки, взаимоотношения, типичные образы и т.п.

Языковые средства, отражающие эстетическое восприятие данной сферы, очень разнообразны. Одна из специфических особенностей, присущих определенным направлениям развития темы (субтемы голода или плохого качества продукта), - это моделирование ирреальных ситуаций. Таким образом, «инобытие» порождает не только алкоголь, о чем пишут исследователи (Степанов 2001, Устинова 2011), но и значительное ограничение питания.

Данная сфера отражается в многочисленных пословицах и сентенциях, особенно при объективации субтемы голода, чрезвычайно важной для диалектоносителя и развиваемой при помощи различных образов и мотивов. Перед нами не только эмоциональная, но и рациональная реакция, осмысление наиболее существенных ситуаций. Плохое питание проецируется на жизнь в целом, обретая экзистенциальное значение. Существует корреляция между различными типами образов и языковыми средствами, характер которой, однако, нуждается в подробном исследовании.

Прослеживается тесная ассоциативная связь процесса питания с другими жизненно важными процессами (работы, сна). Это могут быть отношения противопоставления, причинно-следственные или взаимного дополнения. Так основные составляющие биологического и социального существования человека вступают во взаимодействие и объединяются в эстетическом начале народного языка.

Сокращенные наименования русских народных говоров: краснояр. – красноярские, кург – курганские, ср.-приобск. – среднеприобские, ср.-урал. – среднеуральские, яросл. – ярославские.

Печатные источники

Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. (2004), *Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь*, Москва.

Лютикова В. Д. (2000), *Словарь диалектной личности*, Тюмень.

Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области (2014), в 2 т., ред. С. М. Белякова, Тюмень.

Фразеологический словарь русских говоров Сибири (1983), ред. А. И. Федоров, Новосибирск.

Литература

Мезенин С. М. (1983), *Образность как лингвистическая категория*, «Вопросы языкознания», № 6, с. 48-57.

Новиков Л. А. (2001), *Избранные труды, Т.2, Эстетические аспекты языка*, Москва.

Пьянкова К. В. (2008), *Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект*, АКД, Екатеринбург.

Степанов Ю. С. (2001), *Константы русской культуры*, Москва.

Телия В. Н. (1996), *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва.

Тубалова И. В. (2003), *Фольклорный таксис как эстетическая категория*, [w] *Миромоделирование в языке и тексте*, ред. З. И. Резанова, Томск, с. 151-160.

Устинова Н. А. (2011), *Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект*, АКД, Томск.

Харченко В. П. (2012), *Переносные значения слова*, Изд. 3-е, Москва.

Химик В. В. (2000), *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург.

Якобсон Р. (1975), *Лингвистика и поэтика*, [w] *Структурализм: "за" и "против"*, Москва. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>, 04.05.2016.